

Ф. КУДРЯВЦЕВ

В борьбе за Россию

Нет более лживого термина, чем «красный империализм»¹, — он придуман теми, кто хотел бы разорвать Россию на куски, и желал бы заручиться в этом деле содействием части самих русских, которая находится во власти непримиримых теорий или превратилась в человеческий песок, гонимый всеми четырьмя ветрами. В «красном империализме» хотят обвинить Россию либо те соседи, которые урвали непомерно жирные куски; либо государства, пытавшиеся поднять против России восточные народы и сами оказавшиеся во власти вызванных духов.

Кто поднимал над Владивостокской крепостью белый с красным флаг?² Кто хотел создать «Авароиндийскую лигу»?³ Кто захватил флот на Каспийском море?

Идет борьба. Россия отбивается, и нет более пагубного заблуждения, чем мысль людей, не прекращающих борьбы с Советами, что вся международная обстановка, сложившаяся после 1917 года есть просто дурной сон, который рассеется, только они сменят большевиков. По какому-то волшебству новая система восточно-европейских союзов — именно гарантирующая приобретения за счет России, — изменится; окраинные государства вновь поклянутся в верности России; Верховный Совет, присудивший Румынии Бессарабию, забудет о своем решении. В эмигрантских рассуждениях нет более слабого места, чем неразложимый сгусток веры в свою реальность и, наоборот, в полную призрачность той России, которая где-то там начерно существует. Во внутренне-российской оппозиции ему соответствует некоторое незнание международных условий политики или смутная надежда, что из тисков истории можно выкрутиться путем переодевания.

Только бесконечно упругая, упорная и пружинящая власть может вывести Россию из ее испытаний. Все же те элементы, которые

мнят о тождестве своих интересов с руководящими кругами западной Европы, именно и стали бы сознательно или бессознательно наилучшими проводниками принципа: «Россия для иностранцев», от которого они теперь так отмахиваются.

По возвращении домой они оказались бы игрушками, приводимыми в движение нитями издалека.

Даже «Temps»⁴ признал, что Советы являются «единственной властью, могущею в настоящее время вести национальную политику» и что их «требования не могут отвергаться и не признаваться одним народом, который хочет быть другом будущей России». Откинем метафизические выкладки о том, что советская власть *по самой своей сущности* не может выполнять национальных заданий и бегло рассмотрим международные позиции Москвы, в борьбе за Россию.

Разве не протестовал Чичерин против решения без России вопросов о Шпицбергене⁵ и Алландских островах⁶? Разве не отказывался он категорически от обязательности бессарабских решений?

Для вопроса о проливах русско-турецкое соглашение наметило единственно приемлемое разрешение на основе участия «прибрежных государств», с которым так хотелось бы согласиться и П. Н. Милюкову, если бы только на проекте можно было подменить фабричную марку⁷.

Давно пора перестать повторять нелепые басни о завоевании Кавказа.

На Кавказе и сейчас управляют грузины, мусульмане и армяне, лишь не те, которые в тылу России хотели ввести враждебные ей иностранные влияния. О самоуправлении Кавказа нет и тени споров, но какой русский может не приветствовать исчезновение гнезда иностранных интриг?⁸

Что касается Финляндии, то где русская точка зрения? у тех ли людей, кто крупным шрифтом выписывает известия о финляндских военных приготовлениях и переговаривается с Маннергеймом⁹, или у тех, обмороженных на 25-ти градусном холоде красноармейцев, которые отстаивали единственную свободную линию, по которой Россия еще может иметь доступ к открытому морю.

Наконец Дальний Восток: разве не признал вернувшийся из Вашингтона Авксентьев, что опубликование «читинских документов»¹⁰ явилось громадной заслугой с национальной точки зрения, а сам осторожный Милюков по поводу занятия Владивостока красными войсками пишет, что уничтожение буфера в буфере «с точки зрения общерусской есть несомненно плюс» («Последи. Нов.» 12 марта). Перечень фактов можно было продолжить на много страниц: стоит

вспомнить о восточной политике Советов, бескровно вынудившей силу из множества махинаций, направленных против России,

Никто не требует от людей отказа от их несогласий с тою или иной стороной внутренней политики России. Но не из заграницы и не путем воззваний к европейскому рынку эти несогласия устраняются.

Нельзя забывать, что момента замешательства в политической жизни России ждут со всех сторон, чтобы накинуть на нее смирительную рубашку... а там, иди, доказывай, что ты единомышленник, друг, брат, союзник.

П. Н. Миллюков и «Смена Вех»

За время отсутствия в Америке¹ главного редактора «Последних Новостей», газета пыталась игнорировать то течение, которое пробивало себе дорогу на страницах «Смены Вех». Берлинская лекция² П. Н. Миллюкова подвела, однако, итоги наблюдениям, сделанным вскоре по возвращении его в Европу. Еще более уточнил свои замечания П. Н. Миллюков в статье «Непрощенные союзники» («П. Нов.» от 7 апреля)

Основным пунктом рассуждений П. Н. Миллюкова, изложенных несколько запутанно, как будто, является фраза о том, что «всякое правительство, сидящее в Кремле, будет иметь известный международный вес — не свой, конечно, а отражающий собственный вес России.» Он затем обвиняет большевиков в том, что к этому «чисто физическому и физиологическому весу Россия они не только ничего не прибавили, но насильно его парализовали»... Неверно, что Россия без этой власти будет меньше весить на международных весах. Она будет весить бесконечно больше.

Весь пассаж висит вне времени и пространства. В нем, как будто, нынешняя реальная советская власть, представляющая собою сложнейший сплав теорий, компромиссов и исторической действительности, отождествляется с непримиримым коммунизмом, на практике нигде еще не осуществленным... «Не может пользоваться международным весом никакая власть, стремящаяся к всемирному перевороту». Но, если брать вопрос в такой абсолютной постановке, то, например, нельзя было бы производить набор солдат среди христиан, для которых ведь обязательна евангельская притча о правой и левой щеке.